

≈ 16 мин

Возбуждённое воображение яркими красками рисует в моём сознании финальную сцену книги Джека Лондона «Мартин Иден». Тяжело нагруженный корабль «Марипоза» движется в сторону Маркизских островов, всё дальше унося Мартина от опостылевшего буржуазного общества, где он обрёл славу великого писателя, но потерял смысл жизни. Он надеется, что уединение на маленьком острове в Тихом океане облегчит его страдания и вернёт ему утраченные смыслы. И вот он сидит в своей каюте, в руках у него томик стихов Суинберна, а в голове крутится мысль, выхваченная из стихотворения:

«Когда мучительно устал от жизни, смерть готова успокоить тебя, одарить вечным сном».

Он протискивается в иллюминатор и кончает жизнь самоубийством.

Вся история пронеслась перед моими глазами на одном дыхании. Взяв в руки книгу и открыв её, я уже не смог остановиться. Тем не менее, после последней страницы меня настигает разочарование. Это разочарование не в книге — она прекрасна и заставляет задуматься над важными вопросами — я разочарован в главном герое. Пройдя огромный путь в постижении реальности, вскарабкавшись на вершину познания, Мартин так и не смог обрести внутренний компас, который направляет познание к истине. Но обо всём по порядку.

С первых же страниц книга знакомит нас с главным героем — неуклюжим юношей *«с израненными руками и красной полоской на непривычной к воротничку шее, <...> носившему на себе явный и неприглядный отпечаток*

грубой жизни среди грубых людей». Будучи обыкновенным моряком, Мартин просто существовал, жизнь его была так же не исторична, как жизнь миллионов простых рабочих до него, да и, как мы видим, ещё неизвестно, какое время после него.

Образ Мартина Идена противоречив. Мы видим, что, несмотря на нелёгкую жизнь, в нём *«таилась нежнейшая чувствительность. Его чувства и мысли, соприкасаясь с внешним миром, вспыхивали и играли, как пламя*». В то же самое время подчёркивается, что он *«вовсе не был кротким ягнёнком и не любил быть на последнем месте*».

С первых страниц меня несколько сбilo с толку то, что Мартин, будучи малообразованным молодым человеком, обладал *«чутьём настоящего художника*» и богатым внутренним миром. Это противоречие отражала и его внешность: с одной стороны, мы видим красивого двадцатилетнего юношу с нежным, как у девушки, румянцем и красивым, как у херувима, ртом, с другой — обладающего недюжинной силой и волей зрелого мужчину, прошедшего суровую жизненную школу.

Мартин не задумывался о будущем, проводил время в пивнушках и тратил заработанные тяжёлым трудом деньги на девушек, благо молодость и здоровье создавали иллюзию, что так будет всегда. Он не знал ничего другого, и всё, что с ним происходило, было его привычным укладом, настоящей жизнью Мартина Идена — до момента, пока он не вступился в драке за незнакомого парня. Этим парнем оказался Артур Морз — выходец из состоятельной буржуазной семьи. Артур отчасти из благодарности, а больше из-за желания показать своим

родным открытого им диковинного зверя, приглашает Мартина к себе домой. Этот момент стал определяющим для всей дальнейшей жизни Мартина.

Посетив дом семьи Морзов, увидев все прелести богатой буржуазной жизни и познакомившись с Руфью, сестрой Артура, Мартин утратил покой:

«Он забыл всё окружающее и жадными глазами впился в девушку. Да, вот это — то, для чего стоит жить, чего стоит добиваться, из-за чего стоит бороться и ради чего стоит умереть».

Красота, изящество, ум Руфи, ошеломляют его.

Побывав в доме Морзов, Мартин ощутил огромную пропасть, которая отделяла его от Руфи и её родственников:

«Она такая нежная оттого, что никогда не знала труда. С благоговейным страхом он подумал: а ведь кому-то незачем работать ради куска хлеба, и между ним и Руфью разверзлась пропасть. Ему вдруг представилась эта аристократия — люди, которые не трудятся. Будто огромный бронзовый идол вырос перед ним на стене, надменный и могущественный».

Он осознал, что единственный способ подняться до их уровня — это самообразование. Мотив всех своих устремлений Мартин выразил в разговоре с Руфью:

«...хочу я пробиться к такой жизни, какая у вас в доме. Жизнь — это куда больше, чем нализаться, да вкалывать с утра до ночи, да мотаться по

свету».

Он наивно полагал, что *«в верхах общества, в кругах, к которым принадлежит Руфь и её родные, так возвышенно мыслят все и согласно с таким строем мысли живут. Мир, в котором жил он, был низменным, и он хотел очиститься от грязи низменной повседневности и подняться в те возвышенные сферы, где обитали высшие классы»*.

Ради этой цели он с молодецким напором бросается на амбразуру познания. Джек Лондон показывает нам стремительный процесс становления сознания Мартина, своего рода антологию развития человеческого сознания в целом.

Во время чтения, по мере того, как передо мной развёртывался процесс становления сознания Мартина, я осознал, что противоречивость его образа — не случайность. Лондон выписывает в Мартине образ ницшеанского сверхчеловека. Сверхчеловек Ницше — уникальная, сильная личность с огромной волей, способной противостоять мировой воле как хаотическому разрушительному началу. И, как всякая уникальная личность, он возвышается над толпой слабых людей, обречённых жить в плену моральных правил и религиозных догм. Подобного идеального человека, обладающего многими сверхчеловеческими качествами — большой физической силой, несгибаемой волей, огромным интеллектуальным и духовным потенциалом — и изображает Лондон. Естественно, и мировоззрение Мартина — это квинтэссенция ницшеанства и позитивизма — двух основных философских концепций, которые господствовали в буржуазном мире во времена Лондона. Именно на них и направлена его критика.

Ницшеанство Мартина и его заигрывание с идеей о сверхчеловеке брало свои истоки в его молодости. Для него не было ничего невозможного, он считал себя победителем. Образ главного героя тут неимоверно автобиографичен. В своём эссе «Как я стал социалистом» Лондон писал:

«Я был очень молод и наивен, в достаточной мере невежествен и от всего сердца слагал гимны сильной личности, хотя никогда и не слышал о так называемом „индивидуализме“. Я слагал гимны силе потому, что я сам был силён. Иными словами, у меня было отличное здоровье и крепкие мускулы».

На почву ницшеанства Мартина закономерно лёг и позитивизм, который выразился в биологизаторстве. После знакомства с творчеством Герберта Спенсера Мартин полагал, что постиг истину, и ключом к мирозданию является теория эволюции, что не существует ничего, «не подчиняющегося всемирному закону эволюции». Он утверждает:

«Основной закон эволюции остаётся в силе! В борьбе за существование <...> побеждает сильнейший, а слабый осуждён на гибель! В результате во время этой борьбы силы поколения всё увеличиваются, так как всё время побеждает сильный и потомство сильного. Вот что такое эволюция!»

Вслед за Спенсером Мартин распространяет действие законов эволюции на все явления жизни: от неорганических до нравственных и социальных:

«Я уверен, что в беге побеждает проворнейший, а в битве — сильнейший. Этот урок я усвоил из биологии, по крайней мере, мне кажется, что

усвоил».

К сожалению, биологизаторство в той или иной степени и поныне остаётся определяющим в научных поисках многих исследователей и популяризаторов, в качестве примера можно привести сторонников этологии и их яркого представителя — Ричарда Докинза.

С этой точки зрения Мартин критикует социализм. Для него социалисты идут против природы, когда пытаются изменить сложившийся порядок вещей. Он размышляет о социалистах в следующем ключе:

«Несмотря на их лукавую философию, несмотря на муравьиную склонность объединять свои усилия, природа отвергает их, предпочитая личность исключительную. Из множества живых существ, которых она щедрой рукой бросает в мир, она отбирает только лучших. Ведь именно этим методом, подражая ей, люди выводят скаковых лошадей и первосортные огурцы. Без сомнения, иной творец мог бы для иной вселенной изобрести метод получше; но обитатели нашей вселенной должны приспособливаться к её миропорядку».

Выступая на митинге социалистов, Мартин развивает эту мысль:

«Государство, состоящее из рабов, выжить не может. Извечный закон эволюционного развития действителен и для общества. Как я уже показал, в борьбе за существование для сильного и его потомства естественней выжить, а слабого и его потомство сокрушают, и для них естественней погибнуть. В результате сильный и его потомство выживают, и пока

существует борьба, сила каждого поколения возрастает. Это и есть развитие».

Показав сущность взглядов Мартина, Лондон сталкивает его с реальностью. Вместо высшего общества, состоящего из сильнейших, умнейших и достойнейших — горстка напыщенных, самодовольных глупцов. Руфь, которая играла большую роль в становлении и формировании Мартина, оказалась ограниченной мещанкой, мечтавшей слепить из Мартина подобие своего папаши — банкира. Ницшеанство было последним оплотом, удерживавшим его от отчаянного шага, однако после встречи с сестрой и этот оплот рушится:

«Хорошо было говорить об абстрактных рабах, но не так-то легко прилагать эти теории к своим близким. Да, если нужен пример слабого, угнетённого сильным, то лучше Гертруды не найти. Хорош же он, ницшеанец, если поддаётся таким сантиментам и раскисает при первом же столкновении с действительным горем, — ведь, в конце-концов, в данную минуту он тоже волнуем рабскими чувствами, порождёнными рабской моралью. Человек в настоящем смысле этого слова должен быть выше жалости и сострадания».

Читая страницы книги, я как будто увидел себя лет на 10 моложе. Студент третьего курса историко-социологического института, я, в отличие от Мартина, тогда ещё не накопил богатого жизненного опыта. Я не утруждал себя учёбой, благо моя фамилия позволяла мне не волноваться по этому поводу. Мой дед — известный в университете профессор, которого знали все преподаватели факультета. Так бы всё и продолжалось, если бы на моём пути не появилась И.

К.

Студенты часто распускают слухи о преподавателях и, конечно, больше всего достаётся самым требовательным из них. От курса к курсу притчей во языцех становятся страшилки об их высоких требованиях, молодое воображение с лёгкостью откликается на подобные истории, добавляя к ним новые штрихи. И. К. слыла самой требовательной и неподкупной. Она читала курс Новейшей истории стран Европы и Америки и была одним из немногих преподавателей, которые давали не просто сухой фактический материал, а учили правильно осмысливать его. Она давала методологическую базу для этого, ту опору, без которой поиск истины невозможен. Конечно, я понял это не сразу, но именно она указала мне путь в правильном направлении.

Так, герой Джека Лондона оказался очень близок мне. Как знакомство Мартина с Руфью подвигло его на занятие самообразованием, так у меня после лекций И. К. проснулась тяга к познанию. Однако на этом месте мы с ним расходимся.

И. К. убедила меня в том, что познание происходит не ради самого познания, а ради того, чтобы изменить мир. Посредством познания нам становятся доступны законы движения материи и общества как одной из её форм, нам под силу становится использовать их в интересах всего человечества.

Несправедливость общественного устройства, которую многие из нас особенно остро ощущают в юношестве, уходит корнями в господство частнособственнических отношений. Большинство здесь выброшено на обочину жизни, но это не их вина, ведь они родились уже в готовых условиях, где ресурсы развития уже монополизированы немногими. Мартин заблуждался,

когда полагал, что это меньшинство по праву сильного занимает своё место, что они достойны этого, а большинство — рабы, оказавшиеся в таком состоянии из-за своих слабостей и пороков. После встречи с сестрой Мартин осознаёт это. Ницшеанца из него не получилось, к социализму он так и не примкнул, а стать таким, как все, не мог.

Читая книгу, я до конца был уверен, что он всё-таки осознает свою неправоту. Казалось бы, сам автор подталкивал его к этому. Джек Лондон устами Рэсса Бриссендена предупреждает Мартина:

«...я хотел бы, чтобы вы стали социалистом прежде, чем я помру. Это придаст смысл вашей жизни. Только это и спасёт вас в пору разочарования, а его вам не миновать».

Но Мартин не внимлет этим словам. Сквозь призму трагической судьбы Мартина автор стремится показать, до чего могут довести ошибочные мировоззренческие ориентиры, если слепо следовать им в поисках истины.

В качестве заключения я хотел бы привести слова Джека Лондона, которые, на мой взгляд, он должен был произнести устами Мартина Идена. Возможно, во мне говорят стереотипы, навязанные Голливудскими фильмами, согласно которым у фильма должен быть хороший конец, но тем не менее. Эти слова были напечатаны в небольшом эссе под заглавием «Что значит для меня жизнь», они являются ответом на главный вопрос книги: в чём смысл человеческой жизни?

«Я не хочу больше взбираться наверх. Пышные хоромы над моей головой не

прельщают меня. Фундамент общественного здания — вот что меня привлекает. Тут я хочу работать, налегать на рычаг, рука об руку, плечо к плечу с интеллигентами, мечтателями и сознательными рабочими и, зорко приглядываясь к тому, что творится в верхних этажах, расшатывать возвышающееся над фундаментом здание. Придёт день, когда у нас будет достаточно рабочих рук и рычагов для нашего дела, и мы свалим это здание вместе со всей его гнилью, непогребёнными мертвецами, чудовищным своекорыстием и грязным торгашеством. А потом мы очистим подвалы и построим новое жилище для человечества, в котором не будет палат для избранных, где все комнаты будут просторными и светлыми, и где можно будет дышать чистым и животворным воздухом. Таким я вижу будущее. Я смотрю вперёд и верю — придёт время, когда нечто более достойное и возвышенное, чем мысль о желудке, будет направлять развитие человека, когда более высокий стимул, чем потребность набить брюхо, — а именно это является стимулом сегодняшнего дня, — будет побуждать человека к действию».

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.